

Глава 16. Повзрослевших детей трудно обмануть

Гу Моу и Гу Хэянь с особой вежливостью проводили гогуна Яня с его сыном до ворот поместья, дождались, пока те не сядут в повозку, и только после этого вернулись обратно.

Когда лошадиные копыта и колеса повозки застучали по мостовой, Му Божэнь внезапно заметил, что его сын держит в руках маленькую коробку для еды. Когда он спросил у него, что это такое, Му Чжимин слегка виновато ответил:

— Это сладости из генеральского поместья.

Му Божэнь нахмурил брови и отругал его.

— Как ты мог забыть о хороших манерах? Разве можно было их брать?

Му Чжимин прекрасно понимал, что его будут бранить за это, и признал свою вину, но в душе он не знал, смеяться ему или плакать.

Кто мог ожидать, что когда он будет садиться в повозку, Гу Хэянь неожиданно впихнет ему в руки эту коробку! Он даже в себя прийти не успел, не говоря уже о том, чтобы вежливо отказаться!

Ох, какая несправедливость.

Выразив про себя недовольство из-за незаслуженной обиды, Му Чжимин опустил взгляд на коробку, которую держал в своих руках, и тогда уголки его губ медленно поползли вверх.

Может быть, Гу Хэянь не так сильно ненавидит его, как в прошлой жизни.

Между тем, проводив гостей, Гу Моу вернулся в свой кабинет и пришел в ужас.

— Что? Куда подевался арбалет "Охота при солнце и луне"? Почему его здесь нет?

Услышав во дворе его голос, Вэнь Чжунчэн поспешил к нему.

— Не волнуйтесь, господин. Этим утром молодой господин забрал его и разместил в своей комнате!

Гу Моу сам не знал, что почувствовал при этой новости.

— С каких это пор его стал интересовать этот предмет? Пусть он побыстрее вернет его.

Как только он произнес эти слова, Гу Хэянь постучал в дверь. Слегка поклонившись, он положил арбалет "Охота при солнце и луне" на прежнее место.

Гу Моу немного занервничал.

— Потихоньку, осторожнее. Не сломай его.

Гу Хэянь безразличным тоном ответил:

— Отец, этот арбалет и так уже сломан.

Гу Моу: "..."

Когда ребенок вырастает, его уже не так легко обмануть. И мысли его тоже витают где-то в другом месте. Эх!

Поздней весной, в ту пору, когда над высокой травой радостно летают иволги, в резиденцию гогуна Яня пришел императорский указ.

Му Божэнь, гогун Янь, назначался великим наставником. Ему поручалось наставлять принцев от шести лет и старше в учебе и прочих занятиях, дабы они познали суть вещей и научились отличать правильное от неправильного.

Вместе с ним призывали на службу Му Чжимина, который должен был помогать заниматься седьмому принцу Фу Цзианю, вдохновляя его на более старательную учебу.

Отец и сын семьи Му опустились на колени и приняли императорский указ.

В прошлой жизни, когда низко склонившийся Му Чжимин прижимался головой к холодной земле, его сердце заполняла бесконечная радость.

Он думал о том, как будет целыми днями напролет развлекаться с Цзианем, а также часто встречаться и разговаривать с Фу И.

Но в этой жизни он по какой-то причине испытывал беспокойство внутри стен дворца. В конце концов, это было место, где он читал людские сердца и строил всевозможные интриги. Разве он мог теперь там спокойно проводить свои дни?

В любом случае, Му Чжимин понимал, что самое главное для него сейчас — это сделать Фу Цзианя сильным и успешным, чтобы он смог твердо встать на ноги. Только в этом случае тот сможет в будущем противостоять в борьбе наследному принцу Фу Ци и пятому принцу Фу И.

Так начались кошмары Фу Цзианя.

Однажды в час инь-ши¹, когда петухи пропели три раза, полусонный Фу Цзиань выбрался из теплой постели. Затуманенным зрением он смутно разглядел стоявшую неподалеку под роняющим цветы персиковым деревом элегантную фигуру в развевающемся белом одеянии. Этот отрешенный от мирской суеты небожитель стоял к нему спиной.

Фу Цзиань с восторгом сделал несколько шагов назад и воскликнул:

— Небожитель, небожитель!

Услышав его голос, этот небожитель медленно обернулся к нему. У него оказалось лицо Му Чжимина, на котором сразу же появилась улыбка.

— Фу Цзиань... по-ра пов-то-рять урок...

Фу Цзиань резко очнулся, вздрогнув от испуга. Открыв глаза, он увидел, что небо за окном все еще темное. Му Чжимин стоял рядом с кроватью, держа в руках зажженный фонарь. Из-за бликов света на лице его доброжелательная улыбка казалась мрачной и жуткой.

— Фу Цзиань... по-ра пов-то-рять урок...

— А-аа!!! — придя в ужас, жалобно завыл Фу Цзиань.

Накрыв голову одеялом, он заплакал.

— Братец Му, я уже три месяца встаю ни свет ни заря. Неужели ты не можешь мне дать отдохнуть хотя бы один день! Всего один! Один день!

— Нет, — возразил Му Чжимин, стягивая с него одеяло. — Необхватное дерево вырастает из крошечного побега. Возведение девятиярусной башни начинается с кучки земли. Нужно продвигаться вперед настойчиво и упорно, от начала и до конца!

— Но ведь еще только час инь-ши! — воскликнул Фу Цзиань, потянув обратно одеяло и падая на кровать.

— Ну и что такого, даже если час инь-ши? — холодно усмехнулся Му Чжимин. — Я встаю каждый день в час чу-ши², чтобы приехать во дворец и разбудить тебя. Разве я пожаловался хоть раз?

— Тогда почему бы тебе сначала не пойти поприветствовать мою матушку — благородную супругу. Я посплю еще немножко, всего минутку, а потом сразу же встану, — жалобно принялся умолять Фу Цзиань.

— Уважаемая благородная супруга дала мне разрешение не приветствовать ее по утрам, — с улыбкой сказал Му Чжимин.

На самом деле слова благородной супруги прозвучали так: "Личжу! Если ты посмеешь потревожить утром мой сон, я придушу тебя!"

— Вставай! Пойдем заниматься! — сказал Му Чжимин, безжалостно стягивая с Фу Цзианя одеяло.

— А-аа! Помогите! — истошный вопль Фу Цзианя разнесся по дворцу Цыжэнь.

1. В древнем Китае время разделялось на двухчасовые отрезки — шичэни. Инь-ши 3:00–5:00 часов утра.

2. Чу-ши 1:00–3:00 часов утра.

<http://bllate.org/book/12471/1110139>